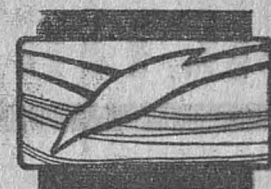

15 июня 1969 года

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

• Творческий
портрет

ВСЕМИ ГРАНЯМИ ТАЛАНТА

БЛЕСТЯЩУЮ плеяду мастеров советской сцены воспитал Московский художественный академический театр. Вот и в эти дни — дни гастролей прославленного коллектива в Свердловске — нас до глубины души потрясают своим неувядаемым талантом ветераны МХАТа.

К этому яркому поколению мхатовских актеров принадлежит и Алексей Николаевич Грибов, народный артист Советского Союза, человек, сыгравший за 45 лет работы в театре сотни больших и маленьких ролей, в каждую из которых он вложил частичку своего сердца. А. Грибов по праву

считают мастером социально-психологической характеристики. С каким тонким и глубоким проникновением в тайное тайных своих героев создавал он на сцене МХАТа могучие горьковские образы Левшина во «Врагах», Василия Достигаева («Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие»). С каким пониманием особенностей духовного мира советского человека лепил он характеры Фрола Баева в пьесе Н. Вирты «Земля» или мужественного Глобы в симоновских «Русских людях».

Вместе с тем А. Грибов отлично знаком советскому зрителю как актер отчетливо вы-

раженного сатирического и комедийного плана. И на подмостках МХАТа и, особенно, в кинематографе он создал целую галерею запоминающихся типов, знакомство с которыми неизменно вызывает улыбку, смех — то добрый и веселый, то, судя по обстоятельствам, злой и беспощадный.

Есть в творческом активе А. Грибова особенно дорогой ему образ, с которым актер не расстается, с известными перерывами, вот уже почти 27 лет, — образ Владимира Ильича Ленина в спектакле Н. Погодина «Кремлевские куранты». Трудность здесь, на мой взгляд, заключается в том, что лицо Грибова слишком хорошо знакомо каждому зрителю. И никакой грим не в силах это устранить. Но вот актер начинает вводить нас в ленинский мир, раскрывает такое богатство ленинских чувств, мыслей, переживаний, что вскоре забываешь, что перед тобой Грибов, и видишь только живого Ильича, ждешь каждого его нового слова.

Деревенский звонарь Казанок, рассказывая крестьянину Чуднову о своей прогулке с Лениным в лес, замечает, что главная особенность вождя — простота. «Видали мы и простых», — отвечает Чуднов. — То, да не то». Думается, что именно это «не то» и удалось воплотить А. Грибову в образе Ильича. Да, грибовский Ленин прост — прост в общении с крестьянами и рабочими, с матросом Рыбаковым и даже с ночной московской нищенкой.

Но за такой простотой все время ощущаешь цепкость ленинской мысли, его стремление до конца понять человека, проникнуть в суть вещей и людских отношений и извлечь из всего этого пользу для великого революционного дела.

Актеру отлично удается передать непрерывную, напряженную работу ленинского ума. Мы видим, чувствуем, как на основе мелких, порой случайных наблюдений, мимоходом брошенных собеседником замечаний Ильич делает далеко идущие выводы. На наших глазах происходит процесс рождения и формирования в стройную систему бессмертной ленинской идеи сплошной электрификации страны. Поэтому с таким волнением воспринимаются сочно поставленные сцены бесед Ильича с инженером Забелиным (арт. Б. Ливанов) и иностранным писателем (арт. А. Кторов), где Ленин—Грибов вдохновенно рисует перед слушателями великое будущее Советской России.

По счастливому совпадению сразу же вслед за «Кремлевскими курантами» мне довелось посмотреть гоголевские «Мертвые души» — спектакль, поставленный еще в 1932 году К. С. Станиславским и до сего дня сохранивший свежесть, легкость, обаяние. Здесь воочию можно убедиться в великолепном даре сценического перевоплощения, которым обладает А. Грибов. Без его Собакевича, ограниченного идеально резкими, острыми сатирическими штрихами, не было бы

законченности в том затхлом мире «мертвых душ», на которых держалась Россия Николая I и которых с такой пронзительной выразительностью воплотили на сцене В. Белокуров (Чичиков), В. Станицын (губернатор), А. Жильцов (прокурор), Ю. Леонидов (Манилов), Б. Ливанов (Ноздрев), Б. Петкер (Плюшкин), А. Зуева (Коробочка) и весь стройный актерский ансамбль.

Собакевич А. Грибова по своему неглупый человек. Чего стоит его первая встреча с Чичиковым, этот напористый, грубый разговор по поводу того, что все кругом мошенники — «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет». Но Собакевич и само «мошенник, каких свет не видывал». Вот уже у себя в поместье он выслушивает просьбу Чичикова относительно продажи «мертвых душ». Бесстрастная, спокойная поза с мирно сложенными на животе руками, пустой, отсутствующий взгляд... Но за всем этим ощущаешь, как удается актеру передать внутреннюю напряженность Собакевича, его мучительную попытку понять суть чичиковского предложения и хитроумные поиски возможностей содрать и с этого мошенника подороже.

Обнажая всю низменность и абсолютную нравственную пустоту собакевичевской натуры, А. Грибов, как и его коллеги по этому замечательному спектаклю, выносит беспощадный приговор обществу, основанному на власти денег, на

стяжательстве и обмане. Собакевич Грибова не только смешон — он и страшен, страшен в своем безоглядном, бесконечном корыстолюбии, подлости, бездушии.

А вот еще один образ, созданный А. Грибовым, о котором упоминается в десятках книг, посвященных МХАТу, в научных исследованиях и энциклопедиях, — образ доктора Чебутыкина в чеховских «Трех сестрах». С 1940 года не сходит этот спектакль со сцены театра, и, как и в первые годы, Чебутыкин—Грибов несет со сцены в зрительный зал огромный эмоциональный заряд.

Тихий, мягкий и добрый человек с удивительно лучезарными глазами, Чебутыкин — Грибов первым клеймит окружающее его общество прекраснотупых интеллигентно-болтунов, старательно закрывающих глаза на все мерзости и пошлости жизни. «А может быть, нам только кажется, что мы существуем», — с горечью констатирует он. Но и Чебутыкин не способен к активному действию. Лишь в состоянии запоя способен он бросить людям правду в лицо. А дальше... А дальше и он оказывается столь же равнодушным и бесхребетным, как все его окружение. И без особых урызаний совести идет на дуэль, где ему предстоит засвидетельствовать гибель одного из своих друзей.

Все нюансы чебутыкинского поведения, всю трагичность его опустошенной души А. Грибов передает мягко, ис-

подволь, раскрывая перед нами характер человека, возможно и незаурядного, но низведенного бесперспективностью российской действительности до положения пустопорожнего обывателя, в котором лишь изредка просыпаются искорки совести.

В дни свердловских гастролей, как и всегда, А. Грибов работает много, напряженно, с максимальной самоотдачей. Сегодня вы можете увидеть его в роли Луки в горьковском «На дне», где он достойно развивает традиции, заложенные еще И. Москвиным, завтра — это уже пропавший актер Шмага в «Без вины виноватых» А. Островского, послезавтра — попечитель богоугодных заведений Земляника из гоголевского «Ревизора». И в каждой роли раскрываются все новые и новые грани замечательного дарования большого мастера сцены, неутомимого труженика, художника, всегда обладающего чувством высокой гражданской ответственности, — Алексея Николаевича Грибова, по праву завоевавшего любовь и признательность свердловского зрителя.

Г. КРАСНОВ.

На снимке: сцена из «Кремлевских курантов». В роли В. И. Ленина — А. ГРИБОВ, в роли крестьянина Чуднова — Д. ШУТОВ.

Фото А. Нагбина.